

ОТВЕТ СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА на ноту Югославского правительства по поводу незаконных арестов советских граждан

25 июля Советское правительство направило Югославскому правительству ноту по поводу незаконных арестов советских граждан, проживающих в Югославии.

30 июля Югославское правительство прислало Советскому правительству ответную ноту.

18 августа Советское правительство направило правительству Югославии ноту следующего содержания:

«В связи с нотой Югославского правительства от 30 июня, которую следует признать внутренне-фальшивой и политически несостоятельной, Советское правительство считает нужным сделать следующие замечания.

Югославское правительство в своей ноте от 30 июня пытается уйти от обвинения в грубом произволе и жестоких репрессиях в отношении советских граждан, проживающих в Югославии. Югославское правительство обходит полным молчанием факты незаконных арестов советских граждан, факты невыносимого и бесчеловечного тюремного режима для арестованных советских граждан, в результате чего многие заключенные истязаны, избили и лишились жизни.

Вместо того, чтобы дать ответ на эти обвинения, предъявленные Советским правительством в ноте от 25 июня, Югославское правительство пытается подменить этот вопрос другим вопросом, а именно вопросом о мотивах незаконных арестов советских граждан, думая оправдать этим зверское обращение и другие преступления югославских органов против советских граждан.

1. Главным мотивом незаконных арестов советских граждан и зверского обращения с ними югославских органов Югославское правительство выставляет то обстоятельство, что арестованные советские граждане были в прошлом враждебно настроены к Советскому Союзу и Советскому правительству. В своей ноте Югославское правительство ссылается на то, что многие из арестованных враждебно выступали в прошлом против Советского Союза, Советской Армии и руководителей Советского правительства. Но все это давно известно и не представляет ничего нового.

Известно, что все денациональность русских эмигрантов, проживающих теперь в Югославии, и те, которые пришли после второй мировой войны советское гражданство, и те, которые не сделали этого,

— известно, что эти люди были вышиблены Советской властью из пределов ССРС лет 28 тому назад, после победы над белогвардейскими генералами Деникиным, Брандем, Красновым, — были вышиблены, как враги народа. Поэтому, что эти белогвардейские элементы вели борьбу против Советского строя, посыпали Советскую власть и советских руководителей, вредили Советскому Союзу как только могли. Известно

далее, что эти белогвардейцы, вышибленные из ССРС, нашли свой главный приют и убежище в Югославии,

что Югославия была той европейской страной, откуда эти белогвардейцы вели свою подрывную работу против Советского Союза в течение более двух десятков лет.

Однако известно и то, что впоследствии, во время второй мировой войны, когда определилось поражение фашистской Германии, настроения белогвардейцев стали меняться, русская белогвардейская эмиграция в Югославии стала разделяться на группы, из которых наиболее несправедливые врачи Советского Союза ушли из Югославии вместе с немецкими войсками, вышибленными из Югославии Советской Армией, а другая часть эмиграции изменила свою ориентацию, стала поворачиваться лицом к Советскому Союзу, многие из них стали помогать югославским партизанам в борьбе против немецко-итальянской оккупации, стараясь искушать своих грехи новыми просоветскими действиями, причем из 12 тысяч бывших белогвардейцев, оставшихся в Югославии, более 6 тысяч человек подали заявления о своем желании перейти в советское гражданство.

Известно также, что в связи с этими обстоятельствами оба правительства, как Советское, так и Югославское, пришли к выводу, что поскольку оставшиеся в Югославии эмигранты первыми с фанатизмом и искушали прошлые грехи своей работы на фронте против фашизма, было бы несправедливо мстить им за их прошлые белогвардейские грехи, что следовало бы им разрешить войти в советские или югославские гражданство по их усмотрению. Это было в 1945 году. С того времени русские эмигранты остаются в Югославии на правах равноправных граждан, и не было случая, чтобы Югославское правительство возбуждало против них обвинение, связанное с их прошлыми белогвардейскими грехами.

Спрашивается, почему же теперь, в 1949 году, спустя четверть века после того, как русские эмигранты в Югославии были амнистированы — почему же теперь Югославское правительство вдруг вспомнило о прошлых грехах этих людей и стало преследовать их за эти грехи? Почему перед Югославским правительством не возникла раньше вопрос о преследовании эмигрантов за их прошлое и только теперь вспомнили об их эмиграционном прошлом, несмотря на то, что грехи прошлого они перекрыли своей последующей честной работой, несмотря на то, что им уже были прощены эти грехи годами тому назад?

Далее, если прошлые белогвардейские грехи являются достаточным основанием для преследования эмигрантов, амнистированных еще четыре года тому назад, то почему преследование подвергается не всеянье по большинству эмигрантов в Югославии, которые были ведь белогвардейцами в прошлом и времли как могли, как Советскому Союзу, так и югославским революционерам, а подвергаются преследование стоящим потом советским гражданам? Почему такие невинные люди из советских граждан в Югославии, как Долонов, Деминенко, Стрельчак, Каслевская, преследуются югославскими органами за их прошлые эмиграционные грехи, а также материальные и финансовые раздражители и служивший в белогвардейском охранном корпусе Жуков, активный сотрудник белогвардейских органов печати в Югославии во время немецкой оккупации; Джуровский, агент фашистов и враг ССРС, — не только не преследуются за их прошлые белогвардейские грехи, а, изоборот, продолжают служить в учреждениях Югославии? Где же тут логика справедливости, элементарной порядочности?

Исно, что попытка Югославского правительства выставить прошлые эмиграционные грехи советских граждан в Югославии, как мотив их преследования, является насквозь фальшивой и совершенно несостоятельной.

Несомненно, что, цепляясь за этот фальшивый мотив, Югославское правительство преследует задачу — отвести внимание людей от действительной политики.

Чины преследования советских граждан и, прикрываясь фальшивыми речами об их эмиграционном прошлом, скрывают от народа эту причину.

2. В чем же состоит действительная причина преследования советских граждан со стороны Югославского правительства? Действительная причина преследования советских граждан заключается не в том, что советские граждане были в прошлом эмигрантами, а в том, что они являются сторонниками дружественных отношений между ССРС и Югославией, что они относятся неодобрительно к нынешней враждебной политике Югославского правительства в отношении Советского Союза. Действительная причина преследования советских граждан состоит в том, что они заодно со всеми патриотами Югославии не одобряют всем известного недопустимого поведения Югославского правительства, которое дезертировало из лагеря демократии и социализма в лагерь международного капитала и клеветой на якобы существующий в Югославии социалистический строй. Югославское правительство утверждает при этом, что Советское правительство старается изложить «истинно демократический, социалистический характер народной власти» в Югославии.

Что стоит после всего этого так называемое «обвинение» советских граждан в «распространении» «злонамерения Коминтерна и в «пропаганде насилия и беспорядка» в Югославии? Югославское правительство заявляет, что nota Югославского правительства является оскорблением Югославии и клеветой на якобы существующий в Югославии социалистический строй. Югославское правительство утверждает при этом, что Советское правительство избегает наказания, именуемого будущим будет прибегнуть к действительным средствам и привлечь к погодке фашистских наследников из клики Тита.

Агентство АИП также передало изложение ноты Советского правительства.

3. Югославское правительство заявляет, что nota Советского правительства является оскорблением Югославии и клеветой на якобы существующий в Югославии социалистический строй. Югославское правительство утверждает при этом, что Советское правительство старается изложить «истинно демократический, социалистический характер народной власти» в Югославии.

Но Советское правительство обязано сказать правду о настоящем режиме в Югославии, если даже эта правда «секретная» кого-то и колет глаза.

Страна только вспоминает во все то, что происходит в настоящем времени в Югославии, чтобы вовсе не оставалось сомнения в том, что ни о какой народной власти и ни о каком демократическом и социалистическом характере государственно-строя в Югославии не может быть и речи.

В самом деле, о каком социалистическом строе в Югославии может быть речь, когда страна поставлена под контроль иностранного капитала, а руководство компартии Югославии находится в состоянии войны с компартиями всего мира?

О каком демократическом характере власти может идти речь, когда во всей Югославии царят гестаповские методы управления, когда появляются всякие свободы, выражение мысли, пишется в своих человеческих правах, когда югославские тюремщики порохом сторонникам социалистического лагеря, когда насилие и клевета в Югославии время от времени становится обычным явлением?

Югославское правительство само вынуждено принять это в своей ноте. Чувствуя несостоятельность обвинений, построенных на эмиграционном прошлом, Югославское правительство пригрозилось в своей ноте, что существует еще другое обвинение, состоящее в том, что некоторые арестованные советские граждане отрицательно относятся к существующему в Югославии режиму, сочувствуют известной раззолоченной Информационному Бюро коммунистических партий (Коминтерн) и содействуют ее распространению.

Но что это за обвинение? Такое обвинение является обвинением не столько против арестованных советских граждан, сколько против существующего в Югославии политического режима. Тот факт, что Югославское правительство предъявляет такие обвинения, показывает, какой вредительский режим царит сейчас в Югославии. Ведь ни в одной стране, кроме страны с фашистским режимом, не считается преступлением свободное выражение демократических взглядов. В наилучшей же Югославии это служит, оказывается, основанием для незаконных арестов и жестокой расправы с людьми, выступающими с критикой Югославского правительства.

Югославское правительство, чувствуя несостоятельность обвинения такого аргумента, и для того, чтобы придать этому аргументу видимость убедительности, должно принести некоторым арестованным «пропаганду насилия и свержения государственно-строя в Югославии», связывая это с разолоченной Коминтерн. Такие измышления, однако, представляют собой явную провокацию и клевету. В резолюции Коминтерна нет ни единого слова ни о «пропаганде насилия и свержения государственно-строя в Югославии», ни о «насильственных» мерах изменения этого строя. Изданная перед парламентским съездом в Югославии и как бы обращенная к съезду резолюция Коминтерна говаривает:

«Информбюро не сомневается, что в недрах компартии Югославии имеется достаточно зорких и фальшивых аргументов, и для того, чтобы придать этому аргументу видимость убедительности, должно принести некоторым арестованным «пропаганду насилия и свержения государственно-строя в Югославии», связывая это с разолоченной Коминтерн. Такие измышления, однако, представляют собой явную провокацию и клевету. В резолюции Коминтерна нет ни единого слова ни о «пропаганде насилия и свержения государственно-строя в Югославии», ни о «насильственных» мерах изменения этого строя. Изданная перед парламентским съездом в Югославии и как бы обращенная к съезду резолюция Коминтерна говаривает:

«Информбюро не сомневается, что в недрах компартии Югославии имеется достаточно зорких и фальшивых аргументов, и для того, чтобы придать этому аргументу видимость убедительности, должно принести некоторым арестованным «пропаганду насилия и свержения государственно-строя в Югославии», связывая это с разолоченной Коминтерн. Такие измышления, однако, представляют собой явную провокацию и клевету. В резолюции Коминтерна нет ни единого слова ни о «пропаганде насилия и свержения государственно-строя в Югославии», ни о «насильственных» мерах изменения этого строя. Изданная перед парламентским съездом в Югославии и как бы обращенная к съезду резолюция Коминтерна говаривает:

«Информбюро не сомневается, что в недрах компартии Югославии имеется достаточно зорких и фальшивых аргументов, и для того, чтобы придать этому аргументу видимость убедительности, должно принести некоторым арестованным «пропаганду насилия и свержения государственно-строя в Югославии», связывая это с разолоченной Коминтерн. Такие измышления, однако, представляют собой явную провокацию и клевету. В резолюции Коминтерна нет ни единого слова ни о «пропаганде насилия и свержения государственно-строя в Югославии», ни о «насильственных» мерах изменения этого строя. Изданная перед парламентским съездом в Югославии и как бы обращенная к съезду резолюция Коминтерна говаривает:

«Информбюро не сомневается, что в недрах компартии Югославии имеется достаточно зорких и фальшивых аргументов, и для того, чтобы придать этому аргументу видимость убедительности, должно принести некоторым арестованным «пропаганду насилия и свержения государственно-строя в Югославии», связывая это с разолоченной Коминтерн. Такие измышления, однако, представляют собой явную провокацию и клевету. В резолюции Коминтерна нет ни единого слова ни о «пропаганде насилия и свержения государственно-строя в Югославии», ни о «насильственных» мерах изменения этого строя. Изданная перед парламентским съездом в Югославии и как бы обращенная к съезду резолюция Коминтерна говаривает:

«Информбюро не сомневается, что в недрах компартии Югославии имеется достаточно зорких и фальшивых аргументов, и для того, чтобы придать этому аргументу видимость убедительности, должно принести некоторым арестованным «пропаганду насилия и свержения государственно-строя в Югославии», связывая это с разолоченной Коминтерн. Такие измышления, однако, представляют собой явную провокацию и клевету. В резолюции Коминтерна нет ни единого слова ни о «пропаганде насилия и свержения государственно-строя в Югославии», ни о «насильственных» мерах изменения этого строя. Изданная перед парламентским съездом в Югославии и как бы обращенная к съезду резолюция Коминтерна говаривает:

«Информбюро не сомневается, что в недрах компартии Югославии имеется достаточно зорких и фальшивых аргументов, и для того, чтобы придать этому аргументу видимость убедительности, должно принести некоторым арестованным «пропаганду насилия и свержения государственно-строя в Югославии», связывая это с разолоченной Коминтерн. Такие измышления, однако, представляют собой явную провокацию и клевету. В резолюции Коминтерна нет ни единого слова ни о «пропаганде насилия и свержения государственно-строя в Югославии», ни о «насильственных» мерах изменения этого строя. Изданная перед парламентским съездом в Югославии и как бы обращенная к съезду резолюция Коминтерна говаривает:

«Информбюро не сомневается, что в недрах компартии Югославии имеется достаточно зорких и фальшивых аргументов, и для того, чтобы придать этому аргументу видимость убедительности, должно принести некоторым арестованным «пропаганду насилия и свержения государственно-строя в Югославии», связывая это с разолоченной Коминтерн. Такие измышления, однако, представляют собой явную провокацию и клевету. В резолюции Коминтерна нет ни единого слова ни о «пропаганде насилия и свержения государственно-строя в Югославии», ни о «насильственных» мерах изменения этого строя. Изданная перед парламентским съездом в Югославии и как бы обращенная к съезду резолюция Коминтерна говаривает:

«Информбюро не сомневается, что в недрах компартии Югославии имеется достаточно зорких и фальшивых аргументов, и для того, чтобы придать этому аргументу видимость убедительности, должно принести некоторым арестованным «пропаганду насилия и свержения государственно-строя в Югославии», связывая это с разолоченной Коминтерн. Такие измышления, однако, представляют собой явную провокацию и клевету. В резолюции Коминтерна нет ни единого слова ни о «пропаганде насилия и свержения государственно-строя в Югославии», ни о «насильственных» мерах изменения этого строя. Изданная перед парламентским съездом в Югославии и как бы обращенная к съезду резолюция Коминтерна говаривает:

«Информбюро не сомневается, что в недрах компартии Югославии имеется достаточно зорких и фальшивых аргументов, и для того, чтобы придать этому аргументу видимость убедительности, должно принести некоторым арестованным «пропаганду насилия и свержения государственно-строя в Югославии», связывая это с разолоченной Коминтерн. Такие измышления, однако, представляют собой явную провокацию и клевету. В резолюции Коминтерна нет ни единого слова ни о «пропаганде насилия и свержения государственно-строя в Югославии», ни о «насильственных» мерах изменения этого строя. Изданная перед парламентским съездом в Югославии и как бы обращенная к съезду резолюция Коминтерна говаривает:

«Информбюро не сомневается, что в недрах компартии Югославии имеется достаточно зорких и фальшивых аргументов, и для того, чтобы придать этому аргументу видимость убедительности, должно принести некоторым арестованным «пропаганду насилия и свержения государственно-строя в Югославии», связывая это с разолоченной Коминтерн. Такие измышления, однако, представляют собой явную провокацию и клевету. В резолюции Коминтерна нет ни единого слова ни о «пропаганде насилия и свержения государственно-строя в Югославии», ни о «насильственных» мерах изменения этого строя. Изданная перед парламентским съездом в Югославии и как бы обращенная к съезду резолюция Коминтерна говаривает:

«Информбюро не сомневается, что в недрах компартии Югославии имеется достаточно зорких и фальшивых аргументов, и для того, чтобы придать этому аргументу видимость убедительности, должно принести некоторым арестованным «пропаганду насилия и свержения государственно-строя в Югославии», связывая это с разолоченной Коминтерн. Такие измышления, однако, представляют собой явную провокацию и клевету. В резолюции Коминтерна нет ни единого слова ни о «пропаганде насилия и свержения государственно-строя в Югославии», ни о «насильственных» мерах изменения этого строя. Изданная перед парламентским съездом в Югославии и как бы обращенная к съезду резолюция Коминтерна говаривает:

«Информбюро не сомневается, что в недрах компартии Югославии имеется достаточно зорких и фальшивых аргументов, и для того, чтобы придать этому аргументу видимость убедительности, должно принести некоторым арестованным «пропаганду насилия и свержения государственно-строя в Югославии», связывая это с разолоченной Коминтерн. Такие измышления, однако, представляют собой явную провокацию и клевету. В резолюции Коминтерна нет ни единого слова ни о «пропаганде насилия и свержения государственно-строя